

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

кандидата филологических наук Галян Софьи Витальевны
на диссертацию Анны Леонидовны Калашниковой «Образ души в
художественном мире Ф.И. Тютчева», представленную на соискание
ученой степени кандидата филологических наук по специальности
10.01.01 – русская литература

Диссертация А.Л. Калашниковой посвящена проблеме, которая, на первый взгляд, кажется если не исчерпанной, то хорошо разработанной в отечественном и зарубежном тютчевоведении: работы, посвященные лирике поэта (Н.Я. Берковского, К.В. Пигарева, Л.М. Лотман, В.Н. Сузи, В.Н. Аношкиной-Касаткиной и др.), в той или иной степени содержат интерпретацию образа души, описывают ее место в поэтической онтологии и аксиологии Тютчева. Однако вопрос о *вариантах* репрезентации образа души в художественном мире поэта не изучался последовательно и целенаправленно. Необходимость появления такого исследования определяется **актуальность** диссертации А.Л. Калашниковой. **Новизна** представленной работы заключается в том, что впервые образ души не только описан целостно и системно, но проанализированы и описаны основные модели душевного бытия в лирике Тютчева.

Безусловное достоинство диссертационного исследования А.Л. Калашниковой – четкость постановки целей и адекватность их достижения. Во введении определены главные направления работы, согласно гипотезе о том, что образ души является ядром художественной системы Тютчева и в ней можно выделить три модели, определяющие онтологический статус души в мире: бытие-в-себе, бытие-в-мире, бытие-с-другим.

Следует отметить скрупулезность, с которой соискательница подходит к ключевым понятиям темы. При этом дать четко очерченную дефиницию *душе* по известным причинам затруднительно, но понятие «художественный мир», образующее исследовательское поле диссертации, получило истолкование в той степени, которая возможна в единичной работе: через мотивную структуру,

пространственно-временные координаты, субъектно-объектные отношения, идиостиль поэта.

Художественные и научные тексты, вошедшие в поле зрения А.Л. Калашниковой, свидетельствуют о ее умении отобрать, осмыслить разноплановый материал и выстроить внутренне непротиворечивую концепцию. Этому способствует прекрасное знакомство автора с историей вопроса. Соискательница осведомлена о работах историко- и теоретико-литературного плана, соответствующих тематике и проблематике исследования, о чем свидетельствуют всегда удачные и своевременные ссылки в основной части диссертации.

Нет замечаний и к композиции работы. Последовательно и логично автор от главы к главе разворачивает доказательство основной гипотезы о существовании трех моделей образа души в лирике Тютчева. При этом следует отметить умение А.Л. Калашниковой улавливать оттенки смыслов поэтического слова, тонкий анализ художественных текстов.

1 глава – «Душевный микрокосм в художественном мире Ф. И. Тютчева», кроме весьма впечатляющего обзора представлений о душе в эстетике романтизма, содержит анализ двух стихотворений Тютчева, наиболее репрезентативных, с точки зрения соискательницы, для рассмотрения образа души как внутренней вселенной мира: «Silentium!» и «Душа моя, Элизиум теней...».

Каждое из этих стихотворений имеет свою (и немалую) библиографию, но автору удалось дополнить существующие взгляды на эти тексты оригинальными наблюдениями. Свежо звучит мысль о принадлежности лексемы-заголовка («Silentium!») к «мертвому» языку: «появление латинского заглавия не только настраивает на обращение к античной традиции, но и становится знаком своеобразного коммуникативного вакуума». В анализе второго стихотворения («Душа моя, Элизиум теней...») особенно интересны рассуждения о противопоставленности внутреннего и внешнего мира по пространственно-временным характеристикам. Позволим себе, однако, не

согласиться с утверждением автора, что «модель внутреннего бытия души воплощена всего в двух (хотя и фундаментальных) стихотворениях Ф. И. Тютчева» (стр. 52). Думается, что образ души как «внутренней вселенной» есть и в других текстах: например, в стихотворении «Сон на море» («две беспредельности были во мне...»).

Полнее всего в диссертации исследована проблема «Образ души в пространстве вселенной» (глава 2), где *душа* рассматривается в качестве компонента тютчевской натурфилософии. В этой главе А.Л. Калашникова последовательно рассматривает варианты взаимодействия души с миром, проясняя вторую модель ее бытия в лирике Тютчева.

Весьма интересным оказался анализ мотива весеннего преображения души, где центральный образ (весна) приобретает амбивалентный характер, поскольку имеет как фольклорные, так и христианские основы. Настоящей находкой автора является мысль о трансформации мотива весеннего преображения души в лирике Тютчева: если в раннем творчестве «импульсом к преображению в равной мере могут служить «отзыв торжества природы», «Бога животворный глас», «весенняя нега» или «женская любовь», то в более поздних стихотворениях «душа преображается через приобщение к Божественной истине». Некоторой натяжкой кажется, однако, цитата из стихотворения «Когда в кругу убийственных забот...», где в развернутом «осеннем» сравнении уподобление душевного движения весне («и душу нам обдаст как бы весною») выглядит как традиционная метафора.

В разделе, посвященном «ночным» стихотворениям Тютчева, дан прекрасный обзор исследований этой традиционной для тютчевианы темы. Душа в «ночной» лирике Тютчева оказывается между хаосом и космосом, что делает ее бытие неустойчивым, колеблющимся и – трагичным. Автор, опираясь на работу С.Н. Бройтмана, развивает мысль о градации мотива «воя ветра» от нечеловеческого к человеческому в стихотворении «О чем ты воешь, ветр ночной...», дополняя ее интересными наблюдениями; хотя уподобление

«повести любимой» прозаическим жанрам 1830-х гг. выглядит несколько искусственно.

Вполне обоснован вывод, сделанный А.Л. Калашниковой в разделе, посвященном стихотворению «Душа хотела б быть звездой», о том, что «образ звезды – устойчивый в романтической традиции вариант воплощения идеала – является адекватной сферой притяжения мятущейся души в художественном мире Ф. И. Тютчева» (стр. 90). Автор утверждает: «Мотив превращения души в дневную звезду знаменует обретение идеального существования и тайного знания о мире» (стр. 92). Не появляется ли в этой связи в стихотворении «Душа хотела б быть звездой» поэтологический подтекст? Лирический субъект, душа которого способна видеть дневные звезды, напоминает пророка в той самой, пушкинской, ипостаси: «И внял я неба содроганье...». Приглашаю автора подумать над таким предположением.

И *от души* можно согласиться с предположением, что образ «человек, как сирота бездомный» в стихотворении «Святая ночь на небосклон взошла...» генетически восходит к Откровению Иоанна Богослова. Попутное замечание: «нагота и немощность человека перед бездной <...> соотносится с символической ущербностью человека, лишённого добродетели» (стр. 87) не только в названном тексте, но и в некоторых других: например, в стихотворении «Бессонница» («И мы, в борьбе, природой целой / Покинуты на нас самих»), которое также относится к «ночным», но осталось в работе без внимания.

Во 2 главе соискательница делает вполне убедительный вывод о переосмыслении и даже преодолении натурфилософских воззрений Тютчева, характерных для ранней лирики; в художественном мире поэта совершается открытие души другого человека.

3 глава диссертации – «Образ души в любовной лирике Ф. И. Тютчева» – посвящена анализу воплощения онтологической модели «бытие-с-другим» в художественном мире поэта. Впечатляет обзор литературы, посвященной «денисьевскому» циклу Тютчева: кажется, соискательница обобщила все

существующие в современном литературоведении точки зрения по этой теме. Основную ценность этой главы, очевидно, представляет мотивный анализ тютчевской любовной лирики. Автор выделяет мотивы «преодоления мертвенности души», «преображения души через страдание», «душевного парения» и делает вывод, что любовь, оплодотворенная религиозным чувством, в поздней лирике Тютчева «знаменует преобразование души лирического героя и приобщение к ценностному миру возлюбленной, духовный подвиг которой заключается в умении «страдать, молиться, верить и любить»».

Несмотря на несомненные достоинства рецензируемой работы, хотелось бы высказать некоторые замечания, а также задать вопросы:

1. Не совсем понятен принцип отбора автором художественных текстов для исследования. Правда, во введении указывается, что «в данной диссертации исследуются только те стихотворения Ф. И. Тютчева, которые формируют образ души в соотнесении с художественным миром конкретного произведения», и далее – автор оговаривает, что материалом работы стали стихотворения, в которых понятие души выражено лексически (стр. 23). Но первый принцип, кажется, не имеет дифференцирующих функций, поскольку названное качество можно отнести почти ко всему корпусу тютчевской лирики. А второй слишком формален и отсекает тексты, где, например, есть лексема «душевный» или «бездушный», и такие, в которых *душа* выражена перифрастически.

2. Различаются ли в поэтической системе Тютчева понятия «душа» и «дух»? Адам Мицкевич, например, в начале 1840-х гг. читая в Париже, в College de France, лекции по истории и культуре славянских народов, говорил, что «дух не соответствует французскому *esprit*, <...> но означает духовного, внутреннего человека, одушевляющего тело, – *spiritus* в смысле библейском». Интересно было бы узнать, как это соотношение проявляется в художественном мире Тютчева. Во 2 главе, правда, есть ссылка на Герреса, который считает, что душа – это результат взаимодействия Ума (Духа) и

Природы (стр. 59), однако эта идея не развита в приложении к поэтическим текстам.

3. Выпадают из разговора о *душе* в художественном мире Тютчева его политические и публицистические стихотворения. Думается, на соискательницу повлияла распространенная концепция о том, что «стихотворения, содержащие непосредственное выражение политических идей поэта, имеют второстепенное значение» (Ю.М. Лотман). Однако обращение к этой части поэтического наследия Тютчева могло бы существенно дополнить наше (и авторское) представление о возможных вариантах образа души в художественном мире поэта, поскольку в этих стихотворениях она (душа) обретает функции, не раскрытые в диссертации (или раскрытые неполно, фрагментарно). Например, она может быть средоточием (алтарем) правды («Хотя б она сошла с пути земного...»), или объектом действия мысли и веры, «одушевляющих» в бою («Как дочь родную на закланье...»); «просветлевшая душа» может являться результатом умения «в себе вражду уврачевать» («Epi tre a l'Apotre. От русского, по прочтении отрывков из лекций г-на Мискиевича»).

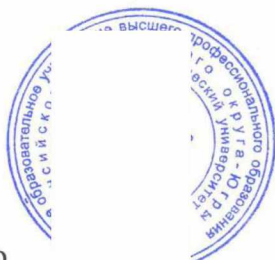
4. Исследуя какое-либо явление, мы неизбежно обращаемся к его генезису. Работе А. Л. Калашниковой, на наш взгляд, недостает историко-литературного контекста. Соискательница подробно описывает связь поэтического душеискательства Тютчева с романтической (философской и литературной) традицией, восстанавливает античный мифологический контекст исследуемой темы. Но образ души имеет историю и в отечественной доромантической поэзии. Во введении вскользь было отмечено влияние на Тютчева творчества Г.Р. Державина, но, говоря о предшественниках Тютчева в процессе художественного осмысления души как онтологической и аксиологической категории, нельзя было не вспомнить духовные оды Державина: «Бессмертие души», «Тоска души» и др. Думается, эта тема заслуживает продолжения.

Высказанные замечания никак не влияют на общую высокую оценку диссертационного исследования А.Л. Калашниковой и носят рекомендательный характер.

Работу А.Л. Калашниковой можно характеризовать как научно обоснованное, обеспечивающее решение важных задач в сфере научного знания и вузовского гуманитарного образования исследование. Полученные автором результаты вполне **достоверны** и соответствуют проведенным ранее исследованиям. Научные положения **обоснованы** корректностью использования категориально-терминологического аппарата и доказательностью выводов, полученных путем анализа научных и художественных текстов. Следует отметить также ровный стиль изложения материала и безупречное оформление работы.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что представленное диссертационное исследование соответствует основным критериям, установленным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 года, № 842 (пп. 9,10,11,13,14), а Анна Леонидовна Калашникова, его автор, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологического
образования и журналистики
Сургутского государственного
педагогического университета

Галян Софья Витальевна

5.11.2015

628401 Тюменская обл., ХМАО-Югра,
г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ 10/2
sofiavit@mail.ru Тел. 8 (3462) 22-31-87, доб. 4-408